

УДК: 167/168

ДИАЛОГИ: ЖАНР VS ФОРМАТ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Шапиро О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: shapiro.olha@gmail.com

В статье рассмотрена проблема понимания философского текста. Что может послужить ориентиром при прочтении текстов разного типа? Отправной точкой для понимания смысла текста? Традиционной здесь является филологическая точка зрения, усматривающая в роли основания текстовых исследований жанровую классификацию.

Автор обосновывает тезис о том, что жанровое деление философских текстов не является удовлетворительным ответом на поставленный вопрос. В качестве примера рассматривается ряд философских диалогов, относящихся к разным периодам истории философской мысли. Их анализ с позиций прагма-аналитического подхода наглядно демонстрирует несовпадение многих текстовых характеристик, и, как следствие – недостаточность жанрового исследования при изучении философских текстов.

Для решения вопроса об основаниях философского текстологического исследования вводится понятие «формат», объединяющее в себе жанровую и аргументативную специфику текста, обстоятельства порождения текста и задаваемую текстом коммуникативную ситуацию. Именно формат в единстве его характеристик способен открыть путь к пониманию смысла текста; анализ текстового формата объясняет те аргументативные, стилистические и другие особенности, которые остаются непонятными при попытках понимать текст через призму только жанра.

Ключевые слова: аргументация, диалог, жанр, текст, текстовая культура, формат текста.

Современность, определяемая развитием технологий, предоставляет нам немислимое еще сто лет назад многообразие различных видов и типов текстов, доступных в любой момент и в любой точке мира. Но с возрастанием массива текстов обостряется и проблема понимания их смысла. С какой точки зрения, сквозь какую установку мы должны смотреть на тексты, чтобы не «заблудиться» в них? Как научиться ориентироваться в непрерывном потоке информации, захлестывающем нас сегодня?

Традиционно тексты принято классифицировать с точки зрения их жанров. Определяя художественный текст как поэму, басню или повесть, филологи тем самым как бы предзадают способ его прочтения, интенцию поиска сути текста.

---

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»

Является ли философский текст одним из жанров? Должно ли это исследование философского текста быть философским или текстологическим? В ответе на эти вопросы позволю себе не согласиться с А. П. Алексеевым, высказавшим мысль о том, что философии сегодня пора стать объектом рефлексии других наук: «Для осмысления феномена философской аргументации, как и философского текста, в пространстве которого она осуществляется, явно требуются <...> ресурсы других наук. Речь идет, прежде всего, о филологии и риторике как языковедческой дисциплине, а также о психологии» [2, с. 101]. Мы полагаем, что исследование философских текстов и создание их типологии должно быть делом сугубо философским, если только речь будет идти, прежде всего, о смысле этих текстов. Исследования филологов / литературоведов чаще всего направлены на синтаксис, риторика и психология ориентированы на прагматику восприятия текста, и при этом ни одно нефилософское исследование текста не видит в качестве своей цели смысл в его целостности. А именно вот это схватывание смысла «в целом» и является чисто философским способом рефлексии.

Сегодня многообразие жанров философских текстов не является предметом пристального внимания научного сообщества, а в немногочисленной литературе нет единодушия касательно конечного их набора. Например, авторы учебного пособия под ред. В. И. Плотникова «Многообразие жанров философского дискурса» (2001 г.) выделяют восемь жанров: афоризм, исповедь, диалог, апология, трактат, эссе, философская поэзия. Кроме них выделяются так называемые «уникальные жанры», к которым авторы относят философские тексты, не поддающиеся жанровой классификации: авторские притчи, сказки и легенды [10]. Этому же разделению придерживается М. С. Губайдуллина в своей диссертации «Язык философии в контексте многообразия ее жанров: онтологический аспект», однако предлагает иерархизировать его, рассматривая как высшую ступень этой иерархии диалог, а все остальные жанры – как «модифицированные формы диалога» [6, с. 10]. О. В. Хлебникова выделяет девять основных философских жанров: философская поэма, «сократический» диалог, монологический трактат (монография), статья, эссе, очерки, письма, собрание афоризмов, интервью, а также приводит два жанра, связанных с процессом обучения философии – учебник и лекции [16].

Логическая корректность обоих списков вызывает сомнения. Так, в списке Плотникова можно констатировать подмену основания деления: апология явно выделяется на основании содержания текста, а диалог или трактат – на основании его формы; оба списка не дают уверенности в полноте деления. Однако здесь я не ставлю перед собой задачу определить, какой из них более удачен, или создать альтернативный перечень. В данном случае интересно другое: дает ли знание жанровых особенностей философского текста ключ к пониманию его смысла? А если нет, то что такой ключ может дать?

Мой ответ на первый вопрос – отрицательный. Понимание «законов жанра» – увы! – не приводит к пониманию текста, в этом жанре написанного, жанр лишь оформляет текст, не касаясь его смысла.

Для обоснования этой мысли рассмотрим диалог, занимающий прочные позиции в жанровых классификациях. Диалог как жанр на деле чаще всего является

полилогом, участники которого ведут спор по тому или иному вопросу; фактически автор диалога предлагает нам сравнительный анализ нескольких позиций (одной из которых он может явно или неявно придерживаться), выраженный в сюжетной, художественной форме. Иногда, как стилистическое вкрапление, можно обнаружить и имманентное присутствие диалога в монологе, если мы сталкиваемся с рассуждениями типа «Мне могли бы возразить, что...». При этом будем иметь в виду, что сами диалоги также можно классифицировать по форме (Ю. А. Шичалин, к примеру, только в диалогах Платона выделяет три формы – речи, рамочные диалоги и диалоги в прямой драматической форме [17]).

В понимании специфики диалогов у исследователей нет единства. Например, Г. Д. Левин пишет: «Литературный диалог создан *одним* человеком. Следовательно, это монолог по определению» [9, с. 229]; а вот Л. Т. Рыскельдиева, наоборот, считает, что философский текст – это всегда диалог, даже если с самим собой (или «воображаемым Луциллием»). Я склонна придерживаться второй позиции.

Поскольку диалог представляет обычно запись спора с обоснованием противоречащих друг другу позиций, будет уместно анализировать его в терминах теории аргументации. При этом аргументацию мы будем понимать здесь как специфический гиперязык, синтаксически состоящий из алфавита (включающего тезис, аргументы и квазиаргументативные средства), семантически выражающий определенный смысл и прагматически анализируемый в терминах «приемлемость», «убедительность» и т. п. Такой подход мы будем условно называть прагма-аналитическим, полагая, что именно сочетание анализа структуры аргументативного гиперязыка с его прагматической оценкой, выраженной в текстах рецензий, исследований и опровержений, которыми «обрастает» исходный текст, может быть удобной базой для исторического исследования аргументативных практик, к которым относятся и философские диалоги.

Для всех диалогов характерны:

- 1) сюжетная динамика (завязка, кульминация, развязка);
- 2) прямая речь «от первого лица».

Автор всегда знакомит нас со своими персонажами, в роли которых могут выступать как реальные личности (например, Горгий, Протагор и др. у Платона), так и «собираемые типы», выражающие позицию той или иной социальной группы (напр., христиан, иудей и философ у П. Абеляра [1]). Поэтому важной задачей читателя может быть умение определить, где действительно позиция указанной личности/группы, а где – авторские домыслы.

Проанализировав ряд диалогов, опубликованных в разные периоды истории и в разных обстоятельствах («Горгий» и «Пир» Платона, «Диалог между философом, иудеем и христианином» П. Абеляра, «Три разговора» Вл. Соловьева, «На пиру богов» С. Булгакова и отрывки из «Молчаливого Дао» Р. Смаллиана [1; 4; 11; 12; 14; 15]), мы можем сделать следующие выводы:

1. В диалогах крайне распространено использование квазиаргументативных средств. При этом персонаж, артикулирующий авторскую точку зрения, использует их даже активнее своих оппонентов с той разницей, что никогда не бывает уличен в некорректности (тогда как других уличает в ней). Например, в «Горгии» Сократ

опирается на рассуждение по аналогии (не дедуктивное, т. е. не гарантирующее истинности вывода!) и использует подмену понятий; Абельяр и Соловьев постоянно используют аргумент к авторитету, Булгаков неоднократно прибегает к пустым формулам и лозунговым словам, а Смаллиан обращается к «чтению в сердцах».

2. Оппоненты автора используют зачастую нелепые даже с точки зрения занимаемой ими самими позиции аргументы. Мог ли настоящий (не платоновский!) Горгий, основывающий «Похвалу Елене» на условно-разделительном силлогизме, а «Трактат» – на приведении к абсурду и эффективно использующий в этих произведениях квазиаргументативные средства (см. [5; 8]), «пропустить» явно недоказательную аргументацию Сократа? Не менее странно выглядит аргументация иудея в диалоге Абельяра: кроме того, что она основана на ложных аналогиях и аргументах к жалости, в ней встречаются и пассажи, по-видимому, связанные с представлениями Абельяра об иудаизме, основанными на расхожих стереотипах. Так, иудей жалуется на необходимость соблюдения многочисленных запретов, налагаемых иудаизмом, в частности кашрута, говоря – «нам запрещена почти вся вкусная пища» [1, с. 321]. Но для людей, знакомых с кошерной кухней не понаслышке, такой пассаж выглядит как минимум спорным. Смаллиан в «Молчаливом Дао» вообще явным образом насмехается над своими персонажами-оппонентами.

3. Существует другой тип диалогов, где автор не придерживается явно какой-либо позиции, хотя и может симпатизировать одной из точек зрения. Яркий пример такого типа диалога – «Пир» Платона, к нему же можно отнести и «Три разговора» Вл. Соловьева, который пишет в предисловии: «Этой формой случайного светского разговора уже достаточно ясно указывается, что здесь не нужно искать ни научно-философского исследования, ни религиозной проповеди. Моя задача здесь скорее апологетическая и полемическая: я хотел, насколько мог, ярко выставить связанные с вопросом о зле жизненные стороны христианской истины, на которые с разных сторон напускается туман, особенно в последнее время» [15, с. 232]. В таких диалогах квазиаргументативные средства также используются, однако исчезает их гротескная форма, все персонажи диалогов оказываются в своей аргументации приблизительно одинаково аккуратными.

Общая картина использования в рассмотренных диалогах квазиаргументативных средств может быть представлена в виде таблицы:

Таблица 1.

	Платон	Абельяр	Соловьев	Булгаков	Смаллиан
Подмена понятий/тезиса	+		+		+
Аргумент к авторитету		+++	+++		+
Ложная аналогия	+	+	+		

Аргумент к массам			+	++	
Пустые формулы/ лозунговые слова				+++	
Аргумент к личности	+		++		++
Адвокатский аргумент			+		
Аргумент к образованности	+	++	+		
Аргумент к жалости		+	+		+
Ирония			+	+	
Ставка на ложный стыд		+			+
Чтение в сердцах					+++

Количество знаков «+» отображает частоту использования аргументативной уловки; при этом в таблице отображены только те уловки, которые используются в тексте более одного раза. Случаи повторения одного арсенала уловок (при его общем многообразии в теории аргументации) наталкивают на мысль, что выбор их не случаен, а может определяться объективными факторами, такими как культурно-исторический контекст или смысловое наполнение текста. Для рассмотренных диалогов мы можем выделить следующие особенности:

Таблица 2.

	Платон «Горгий»	Абеляр	Соловьев	Булгаков	Смаллиан
Структурная специфика аргументации	«спиралевидная» структура диалога	Последовательный анализ точек зрения	Последовательное обоснование позиций (каждая последующая сильнее предыдущей)	Диалог как набор параллельных монологов	«спиралевидная» структура диалога

Приемы, определяемые культурно-историческим контекстом	Вопросы, построенные на аналогиях	Аргумент к авторитету (ссылка на Писание)	Аргумент к массам, использование аналогий	Аргумент к массам	Свободная разговорная стилистика (вплоть до сленга)
Приемы, определяемые внутренним контекстом диалога	Регламентирование спора «авторским» персонажем	Регламентирование спора арбитром	Регламентирование спора арбитром	Лозунговые слова, пустые формулы	Регламентирование спора «авторским» персонажем
Приемы, определяемые смыслом	Чрезмерное уточнение понятий, требование «отвечать кратко»	Подробный анализ отдельных положений веры (выбор и оценка определены необходимой победой позиции христианина)	Адвокатский аргумент, аргумент к жалости, использование аналогий, аргументы к будущему	Наличие множества ссылок на Соловьева (как скрытых, так и явных), аргументы к массам	Ирония, гиперболизация и доведения до абсурда оспариваемых автором точек зрения

Из этой таблицы видно следующее:

1. Аргументативные стратегии в разных диалогах не совпадают, за исключением Платона и Смаллиана (который по форме представляет собой явное подражание Платону; Смаллиан прямо указывает на это: «... подойдем к результату постепенно, через сократический диалог» [14, с. 98]);

2. При анализе приемов, обусловленных внутренним контекстом диалога, явным образом «выпадает» из общей картины текст С. Булгакова.

3. Приемы, определяемые смысловым наполнением диалогов, никак не коррелируют с жанровыми особенностями текста. То есть понимание жанра не дает еще рецепта для понимания **смысла** текста, хотя и является его важной составляющей!

Какие еще критерии нам необходимы, чтобы поиск смысла оказался успешным? Что важного мы не можем увидеть ни из жанра, ни из аргументативной структуры, ни из логических и лингвистических характеристик текста – т. е. всего того, что можно условно обобщить в понятии «форма текста»? Что влияет на внутренние смысловые структуры, скрывающиеся внешним планом выражения?

Искомых критериев – два: обстоятельства порождения текста и коммуникативная ситуация, создаваемая самим текстом. Посмотрим, что они собой представляют и каким образом проясняют результаты проведенного аргументативного исследования.

Обстоятельства порождения текста связаны с культурно-историческим контекстом, в котором текст был написан, и целью/мотивами его написания. Если культурно-исторический контекст легко определим, то выявление мотивов не всегда очевидно. В диалогах, формально выглядящих как запись спора, возможны два базовых варианта: 1) автор отображает различные точки зрения, стремясь максимально полно отобразить весь спектр возможных мнений; 2) автор обосновывает одну конкретную позицию, выбирая диалог как более убедительный способ представить свою точку зрения. Понимание такой целевой установки является необходимым условием понимания смысла текста в целом.

Из этих двух возможных вариантов бывают и исключения. Например, в диалоге С. Булгакова обстоятельства порождения текста задаются желанием не столько обосновать свою позицию, сколько опровергнуть чужую. Текст Булгакова – это ответ Соловьеву, при этом ответ резкий, ироничный. В арсенале иронии – создание гротескных образов, аргументы к личности, замещающие собой аргументацию как таковую, т. е. те квазиаргументативные средства, которые не годятся ни для представления многообразия позиций, ни для полноценной защиты одной из них. К такому типу диалогов можно отнести и тексты Лукиана (например, Лукиановский «Пир» – явная пародия на целый корпус текстов); но ирония может находить свое отражение и в других жанрах. Т. е. для понимания смысла текста здесь необходимо уловить иронию и понять, кто является объектом этой иронии. Жанр же играет вторичную роль при чтении ироничных текстов; а аргументативные и квазиаргументативные структуры могут пониматься как специфические маркеры, указывающие внутри текста на обстоятельства его порождения.

Коммуникативная ситуация – способ связи между автором и читателем посредством текста. Эту связь очень точно высказал Э. Бетти: «понимание <...> представляет собой трехчленный процесс, крайние точки которого суть, с одной стороны, интерпретатор как живой, мыслящий дух, а с другой стороны – дух, объективированный в смылосодержащих формах. Эти крайние точки не входят в соприкосновение непосредственно: они контактируют только посредством смылосодержащих форм» [3, с. 23], где «смылосодержащие формы» – это и есть текст в нашем понимании. Автор через текст обращается к читателю; читатель слышит и понимает автора только через текст – то есть текст определяет коммуникативное пространство, в котором отводятся соответствующие места автору и читателю. Что это за место?

Здесь также, как и с обстоятельствами порождения текста, возможны несколько базовых ситуаций. Автор текста может оставаться за скобками (так, сам Платон не фигурирует как персонаж диалога) или присутствовать непосредственно в тексте (напр., Абельяр выступает в роли арбитра, Соловьев – в роли молчаливого наблюдателя и рассказчика). Читателю также может быть отведена разная роль. Я полагаю, что в тех диалогах, где автор представляет многообразие позиций,

читателю отводится роль соучастника, который наравне с персонажами текста может высказать новую и/или оценить любую из предложенных позиций (подробнее о текстах такого типа см. [7]). Если же авторской целью является убеждение в правильности одной и только одной позиции, то читателю достается роль пассивного реципиента, задача которого – понимать, (не)соглашаться и мысленно отвечать на риторические вопросы. Иронические же тексты предлагают читателю место «в партере», где он может наблюдать за пьесой и аплодировать в особо понравившихся местах, даже если абсурдность происходящего становится очевидной.

Три ракурса исследования текста – его форма (включающая жанр, аргументативную структуру, стилистику), обстоятельства порождения и коммуникативная ситуация – в своем сочетании образуют понятие «формат текста». Именно формат – тот самый ключ, который открывает дверь к пониманию смысла текста. Если с учетом этих обстоятельств рассматривать проанализированные здесь диалоги, то окажется, что они относятся к разным форматам, и тогда станут ясны как сходства, так и существенные различия между ними.

Набор форматов определяется актуальной текстовой культурой как способом создания, хранения и трансляции текстов. Выбор автором того или иного формата зависит, с одной стороны, от смысла, который он хочет передать, а с другой – от целевой аудитории и того прагматического эффекта, которого он хочет достигнуть. Как пишут Л. Т. Рыскельдиева и Ю. М. Коротченко, «учет специфики текста, с которым работает исследователь, того, как, когда и при каких обстоятельствах он был опубликован, коммуникативной ситуации в его рамках, его цели и адресата поможет <...> глубже заглянуть в механизм образования социальных смыслов» [13]. Добавлю: и не только социальных, если иметь в виду все многообразие философских текстов. Именно анализ текста с точки зрения его формата и должен стать отправной точкой для ориентации в необозримом текстовом массиве.

Список литературы

1. Абеляр П. Диалог между философом, иудеем и христианином / Абеляр П. Теологические трактаты. – М.: Прогресс, 1995. – С. 311–412.
2. Алексеев А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А. П. Алексеев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 328 с.
3. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. – М.: «Канон+», 2011. – 144 с.
4. Булгаков С. А. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 90–144.
5. Горгий. Похвала Елене / Ораторы Греции. Сост. М. Л. Гаспаров. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 27–31.
6. Губайдуллина М. С. Язык философии в контексте многообразия ее жанров: онтологический аспект: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / М. С. Губайдуллина. – Магнитогорск, 2005. – 22 с.
7. Зарапин О. В., Шапиро О. А. Философский текст и коммуникация в симпозиальном формате // Философская мысль. – 2016. – № 11. – С.11–21. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.11.20953. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20953.html

8. Кассен Б. Эффект софистики / Б. Кассен. – М.-СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. – 252 с.
9. Левин Г. Д. Диалог как форма коммуникации / Левин Г. Д. // Философия науки и техники. – 2012. – № 1. – Том 17. – С. 228–239.
10. Многообразие жанров философского дискурса: учеб. пособие / под ред. Плотникова В. И. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 276 с.
11. Платон. Горгий / Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.1 / общ. ред. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990. – С. 477–574.
12. Платон. Пир // Платон. Избранные диалоги / Сост., вступительная статья и комментарии В. Асмуса. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 118–184.
13. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М. Текстовая компонента в современных социально-философских исследованиях // Философская мысль. – 2016. – № 11. – С. 1–10. – URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20884.html.
14. Смаллиан Р. Молчаливое Дао / Р. Смаллиан. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. – 224 с.
15. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории // Соловьев В. С. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 231–423.
16. Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы / Хлебникова О. В. // Вестник КемГУ – 2013. – № 4 (56). – Т.1. – С. 201–207.
17. Шичалин Ю. А. Платон: от Сократа к досократикам? / Ю. А. Шичалин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2015. – №2 (58). – С. 27–42.

Shapiro O. A. Dialogue: Genre vs Format of Textual Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 21–30.

The article is dedicated to the problem of understanding the philosophical text. What could be accepted as a guiding line for reading the texts of different types? What could be taken as a reference point for understanding text? Traditionally we connect researching text with necessity of making some typology, and the most widespread typology of texts is the genre one. That is a trivial philology point of view.

Today we have very few researches of the form of philosophical texts, and all of them send for questions. But what is a root of problem? Should we improve genre typology in philosophy or create a new one, which would be grounded on some others reasons?

The author argues the position, that the genre division is not satisfactory answer if we try to find the key for the sense of philosophical text understanding. The thesis is grounded in the research of set of philosophical dialogues (as a one of the most popular philosophical genre we could find in all of typologies), which belong to different historical periods of the philosophical thought development. The research demonstrates that the genre sameness understanding isn't enough for the sense of texts interpretation. Argumentative analysis of the dialogues, grounded on the pragma-analytics approach, clearly shows the text heterogeneity and the necessity of completion the genre identification with others criteria of investigation. There are offered two criteria: the text generation circumstances and the communicative situation which is specified by the text.

We can unify the criteria with a text form, which includes genre, logical, argumentative and stylistic specifics, in the concept "text format". Exactly text format in all its manifestations integrity could open the text sense. The author shows that analyzed dialogues belong to different formats; and that is the case of their argumentative distinctions, which are unintelligible if we try to interpret the dialogues in a genre terminology only.

Keywords: argumentation, dialogue, genre, text, text culture, text format.

References

1. Abelyar P. Dialog mezhdu filosofom, iudeem i khristianinom. [Dialogue Between a Philosopher, a Jew and a Christian]. Abelyar P. Teo-logicheskie traktaty [Theological Treatises]. Moscow, Progress publ., 1995, P. 311–412.
2. Alekssev A. P. Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy. [The Philosophical Text: Ideas, Reasoning, Images]. Moscow, Progress-Traditsiya publ., 2006, 328 p.
3. Betti E. Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe. [Hermeneutics as the General Methodology of the Human Sciences.]. Moscow, «Kanon+» publ., 2011, 144 p.
4. Bulgakov S. A. Na piru bogov. Pro y contra. Sovremennyye dialogi [On the Feast of the Gods. Pro and Contra. Contemporary Dialogues]. Iz glubiny. Sb. statey o russkoy revolyutsii [Out of the Depths. Coll. Articles about the Russian Revolution]. S. A. Askol'dov, N. A. Berdyayev, S. A. Bulgakov etc. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow University Press], 1990, P. 90–144.
5. Gorgiy. Pokhvala Elene [Praise Elena]. Oratory Gretsii. [Orators of the Greece] Sost. M. L. Gasparov. Moscow, Khudozhestvennaya literatura [Edited by M. L. Gasparov], 1985. P. 27–31.
6. Gubaydullina M. S. Yazyk filosofii v kontekste mnogoobraziya ee zhanrov: ontologicheskiy aspekt. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk. [Language of Philosophy in the Context of the Diversity of its Genres: Ontological Aspect. Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences]. Magnitogorsk, 2005, 22 p.
7. Zarpin O. V., Shapiro O. A. Filosofskiy tekst i kommunikatsiya v simposiynom formate [Philosophical Text and Communication in Simposiynom Format]. Filosofskaya mysl' [Philosophical Thought], 2016, no. 11, P. 11–21. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20953.html.
8. Kassen B. Effekt sofistiki. [Effect of Sophistry.]. Moscow-SPb., Moskovskiy filosofskiy fond, Universitetskaya kniga, Kul'turnaya initsiativa [Moscow Philosophical Foundation, University Book, Cultural Initiative], 2000, 252 p.
9. Levin G. D. Dialog kak forma kommunikatsii [Dialogue as a Form of Communication]. Filosofiya nauki. [Philosophy of Science], 2012, Vol. 17, no. 1, P. 228–239.
10. Mnogoobraziye zhanrov filosofskogo diskursa : ucheb. posobie [The Variety of Genres of Philosophical Discourse: Proc. Manual] pod red. Plotnikova V. I., Ekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii [Ed. by V. I Plotnikov, Ekaterinburg: Bank of Cultural Information], 2001, 276 p.
11. Plato. Gorgiy. Plato. Sobranie sochineniy v 4 t. T. 1 [Collected Works in 4 volumes. Volume 1] obshch. red. A. F. Loseva. Moscow, Mysl' [Thought], 1990, P. 477–574.
12. Plato. Pir [Feast]. Platon. Izbrannyye dialogi [Selected dialogues]. Sost., vtsupitel'naya stat'ya i kommentarii V. Asmusa. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965, P. 118–184.
13. Ryskel'dieva L. T., Korotchenko Yu. M. Tekstovaya komponenta v sovremennykh sotsial'no-filosofskikh issledovaniyakh [Text Component in Modern Social and Philosophical Studies]. Filosofskaya mysl' [Philosophical thought], 2016, no. 11, P. 1–10. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20884.html.
14. Smullian R. Molchalivoe Dao. [The Silent Dao]. Moscow, «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», 2012, 224 p.
15. Solov'ev V. S. Tri razgovora o voyne, progresse i vseмирной istorii [Three Conversations on War, Progress and World History]. Solov'ev V. S. Izbrannoe. Moscow, Sov. Rossiya [Sov. Russia], 1990, P. 231–423.
16. Khlebnikova O. V. Klassifikatsiya zhanrov filosofskoy literatury [Classification of Philosophical Literature Genres]. Bulletin of Kemerovo State University, 2013, Vol. 4 (56), no. 1, P. 201–207.
17. Shichalin Yu. A. Platon: ot Sokrata k dosokratikam? [Plato: from Socrates to the Pre-Socratic?]. Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [St. Tikhon's University Review], 2015, Vol. 2 (58), P. 27–42.